

КЛАССИКА И ДЕТЕКТИВА

Ниро Вулф возвышается
над своими противниками
подобно башне...
Это необыкновенная
личность, созданная
воображением писателя.

New Yorker

· ВСЕ · РАССЛЕДОВАНИЯ · НИРО · ВУЛФА ·

РЕКС СТАУТ

Если бы
смерть спала

« И Н О С Т Р А Н К А »

Ниро Вульф

Рекс Стаут

Если бы смерть спала

«Азбука-Аттикус»

1957

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-44

Стаут Р. Т.

Если бы смерть спала / Р. Т. Стаут — «Азбука-Аттикус»,
1957 — (Ниро Вульф)

ISBN 978-5-389-20637-3

Ниро Вулф, страстный коллекционер орхидей, большой гурман, любитель пива и великий сыщик, практически никогда не выходит из дому. Все преступления он распутывает на основе тех фактов, которые собирает Арчи Гудвин, его обаятельный, ироничный помощник с отличной памятью. Мультимиллионер Отис Джаррелл уверен, что его невестка продает секреты компании конкурентам, и, чтобы доказать ее вину, решает нанять Ниро Вулфа. И вот для сбора компромата Арчи Гудвин под видом нового секретаря поселяется в доме Джаррелла. А через два дня убивают предыдущего секретаря, и Арчи оказывается в самой гуще событий. У полиции, естественно, возникает вопрос: каким образом Вулф и Гудвин заранее узнали об убийстве?

УДК 821.111(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-389-20637-3

© Стаут Р. Т., 1957
© Азбука-Аттикус, 1957

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	11
Глава 3	18
Глава 4	27
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Рекс Стаут

Если бы смерть спала

Rex Stout

IF DEATH EVER SLEPT

Copyright © 1957 by Rex Stout

This edition is published by arrangement with Curtis Brown UK
and The Van Lear Agency

All rights reserved

© О. Э. Александрова, перевод, 2021

© Издание на русском языке, оформление.

ООО «Издательская Группа

„Азбука-Аттикус“, 2021

Издательство Иностранка®

* * *

Глава 1

Сказать, что тем майским утром понедельника мы с Вулфом вообще не разговаривали, было бы не совсем точно.

На самом деле накануне ночью у нас произошла любопытная беседа. Итак, примерно в два часа ночи я вернулся домой – в старинный особняк из бурого песчаника, где жили Вулф, Фриц, Теодор и я, – и, к своему удивлению, обнаружил, что Вулф не спит, а читает книгу за письменным столом в кабинете. Когда я вошел, Вулф наградил меня таким взглядом, что мне сразу стало понятно: его явно что-то гложет. Я решил, что Вулфу просто не нравится книга, и спокойно направился к сейфу, чтобы проверить, хорошо ли тот заперт, но тут он рявкнул мне в спину:

– Ну и где ты болтался?

– На каком основании я должен перед вами отчитываться? – обиделся я.

Вулф рассвирепел:

– Мне следовало спросить, где тебя не было. Мисс Роуэн уже пять раз звонила. Первый раз вскоре после восьми, а последний – полчаса назад. Если бы я лег спать, она в любом случае не дала бы мне уснуть. Как тебе прекрасно известно, у Фрица сегодня выходной.

– А он разве еще не вернулся?

– Вернулся. Но Фрицу утром готовить завтрак, и я не хотел, чтобы его беспокоили. Ты сказал, что пойдешь с мисс Роуэн в клуб «Фламинго». Но тебя там не было. Она уже пять раз звонила. В результате это я, а не ты провел с ней вечер, что отнюдь не доставило мне удовольствия. Ну как, достаточно серьезное основание?

– Нет, сэр. – Я остановился у письменного стола Вулфа, глядя на него сверху вниз. – По крайней мере, не для того, чтобы требовать у меня объяснений, где я был. А что, если попробовать еще раз? Я выйду и снова войду, а вы скажете, что не любите, когда вас отвлекают от чтения, да и вообще, мне следовало поставить вас в известность о своих планах проучить мисс Роуэн, хотя вы и не сомневаетесь, что у меня была веская причина. Ну а я вам отвечу: мне очень жаль, но когда я уходил, то еще не знал, что придется проучить мисс Роуэн. Я узнал об этом лишь тогда, когда поднялся на лифте в ее пентхаус и обнаружил там людей, которые, как ей известно, мне категорически не нравятся. Так что давайте не будем. Куда я пошел, не имеет значения, но, если вы настаиваете, могу дать вам номер телефона. Позвоните и попросите миссис Шребенвелдер. Если подойдет ее муж, измените голос и спросите...

– Пф! Мог бы и позвонить.

Что уж там говорить, Вулф был для меня словно открытая книга. И сейчас он вел себя как капризный ребенок, поскольку мой звонок с сообщением об изменении программы на вечер не помешал бы Лили Роуэн и дальше отвлекать Вулфа от чтения. Конечно, нехорошо бить лежачего, но, проучив Лили, я решил заодно преподать урок и Вулфу, что с успехом и сделал. Хотя, возможно, слегка перестарался. По крайней мере, когда я выходил из кабинета, чтобы подняться к себе, мы не пожелали друг другу спокойной ночи.

Впрочем, было бы неверно сказать, что в понедельник мы с Вулфом совсем не разговаривали. Когда в одиннадцать часов он спустился из оранжереи, я вполне отчетливо поздоровался, на что Вулф, направлявшийся к своему письменному столу, пробормотал нечто невнятное в ответ. И к тому времени, как в полдень, согласно предварительной договоренности, к нам явился Отис Джаррелл, мы с Вулфом обменялись, дай бог, двадцатью словами, ну, может, чуть больше. Если мне не изменяет память, Вулф поинтересовался нашим банковским балансом, и я ему ответил. Однако, когда я, услышав звонок в дверь, провел Отиса Джаррелла в кабинет и усадил в красное кожаное кресло возле письменного стола Вулфа, обстановка там оставалась более чем прохладной.

– Итак, сэ, что у вас за проблема? – Вулф наградил посетителя ослепительной улыбкой.

Вулфу отнюдь не свойственно столь экспансивное проявление чувств. Представление было рассчитано лично на меня. Он явно хотел продемонстрировать тот факт, что пребывает в отличном расположении духа, а если по отношению ко мне и проявляет некоторую сдержанность, то это объясняется моим неподобающим поведением накануне вечером, однако на моем фоне ему даже приятно пообщаться с другим человеческим существом, способным оценить вежливое обращение.

Вулф знал, что это человеческое существо, а именно Отис Джаррелл, имело лишь одно явное достоинство: его состояние оценивалось более чем в тридцать миллионов долларов. Наводя справки об Отисе Джаррелле, перед тем как назначить ему встречу с Ниро Вулфом, я выяснил, среди прочего, что Джаррелл несколько расплывчато охарактеризовал себя в «Кто есть кто» как «капиталиста», что офис капиталиста находится в его доме на Пятой авеню в районе Семидесятых улиц, что ему пятьдесят три года, что за ним укрепилась репутация крутого бизнесмена, который даже во сне мог учуять возможность получить прибыль – это я узнал из телефонного разговора с Лоном Коэном из «Газетт», – и что он никогда не сидел в тюрьме.

Впрочем, Джаррелл выглядел скорее не крутым, а мягкотелым, что, естественно, еще ни о чем не говорило. У самого крутого парня, которого я когда-либо видел, были такие обвисшие щеки, что вполне поместились бы в бюстгальтер. У Джаррелла щеки все-таки были не столь пухлыми, но уже начали заметно обвисать. И хотя портной, наверняка запросивший за коричневый костюм в едва заметную блестящую полоску триста, а может и четыреста, баксов, постарался на славу, когда наш посетитель опустил в кресло, штаны опасно натянулись от избытка плоти.

Однако к Ниро Вулфу нашего капиталиста привела совсем другая проблема. Устремив острый взгляд карих глаз на широкое лицо Вулфа, он сказал:

– Я хочу нанять вас для решения конфиденциального дела. Сугубо конфиденциального. Мне известна ваша репутация и репутация вашего помощника Гудвина, иначе меня бы здесь не было. Но, прежде чем я посвящу вас в суть проблемы, вы оба должны дать слово держать рот на замке.

– Мой дорогой сэ, – Вулф, который по-прежнему демонстрировал мне, что готов проявлять дружелюбие лишь по отношению к тому, кто этого заслуживает, решил проявить снисходительность, – вы не можете требовать от меня, чтобы я согласился на работу, не зная, в чем она заключается. По вашим словам, вам известна моя репутация, а значит, вас устраивает мое умение действовать скрытно, ведь в противном случае вас бы тут не было. Если речь не идет о тяжком преступлении, я умею хранить секреты даже тогда, когда не принимаю участия в деле. Так же как и мистер Гудвин.

Джаррелл бросил на меня быстрый взгляд. Я продолжал держаться индифферентно.

Тогда он снова повернулся к Вулфу.

– Вот это наверняка поможет делу. – Сунув руку в карман, Джаррелл вытащил оттуда коричневый конверт, из которого извлек толстую пачку ассигнаций, запечатанную бумажной лентой, после чего швырнул деньги на письменный стол Вулфа, поискал глазами мусорную корзину и, не обнаружив ее, кинул конверт на пол. – Здесь десять тысяч долларов. Это предварительный гонорар. Если я выпишу вам чек, об этом могут пронюхать. Возможно, кто-то нежелательный для меня. Деньги отнесены на издержки без упоминания вашего имени. Расписка не требуется.

Это, конечно, было не слишком законно, но человек слаб, а не облагаемые налогом доходы куда привлекательнее, чем доходы за вычетом налогов. Мне показалось, что Вулф едва заметно пошевелил пальцами, хотя, быть может, я возвожу на него напраслину под влиянием нашей размолвки.

– Лично я привык расписываться за все полученные средства, – сухо произнес Вулф. – Итак, что именно я должен для вас сделать?

Джаррелл открыл рот, потом закрыл его и наконец решился:

– Я хочу, чтобы вы помогли мне избавиться от змеи в собственном доме. – Он сжал руку в кулак. – Речь идет о моей невестке. Жене сына. Но все должно быть исключительно конфиденциально. Вы должны собрать доказательства того, что она сделала. А у меня нет сомнений, что она это сделала. И тогда ей придется уйти! – Разжав кулак, он выразительно взмахнул рукой. – Вы получите доказательство, а уж я постараюсь найти, как его использовать! Мой сын с ней разведется. Ему придется. Все, что мне нужно...

Но Вулф его прервал:

– С вашего позволения, мистер Джаррелл, вам придется обратиться к кому-нибудь другому. Я не занимаюсь супружескими неурядицами.

– Это не супружеские неурядицы. Она моя невестка.

– Вы говорили о разводе. А развод – это сугубо семейное дело. Вам нужны доказательства для развода. – Вулф ткнул пальцем в пачку банкнот. – А с таким мощным стимулом вы его получите. Существует искомое доказательство или нет.

– Вы меня не так поняли, – покачал головой Джаррелл. – Сперва послушайте, что я о ней расскажу. Она змея. Она плохая жена. Я уверен, она изменяет моему сыну, но это лишь полбеда. Она обманывает и меня тоже. Хочу объяснить вам, как построена моя работа. Офис находится у меня дома. Секретарь и стенографистка живут там же. А еще моя жена, дочь, брат жены, сын и невестка. Я покупаю и продаю. Покупаю и продаю что угодно: от конюшни с лошадьми и до корпорации с дефицитом бюджетных средств. Все, что мне нужно, – это наличные, а у меня их много. Об этом все знают, от Рима до Гонолулу, поэтому офис мне без надобности. Если у вас есть кто-нибудь на примете, кому нужны деньги и у кого есть хоть что-то, что стоит денег, можете смело направлять его ко мне.

– Непременно. – Вулф по-прежнему разыгрывал для меня спектакль, а потому демонстрировал показное терпение. – А как насчет вашей невестки?

– Как раз о ней и идет речь. В прошлом году у меня сорвались три сделки по вине людей, которым явно было известно о моих планах. Полагаю, они получили эту информацию от нее. Я точно не знаю, как именно она раздобыла информацию – и, помимо всего прочего, вам придется это выяснить, – но одну сделку у меня перехватил человек по фамилии Бригам. Кори Бригам. Я уверен, она ему помогает, но у меня нет доказательств. Если хотите назвать это супружескими неурядицами, ваше право, но это не мои супружеские неурядицы. У меня есть своя причина для супружеских неурядиц, ее зовут Трелла, но с ней я способен и сам разобратся. Тут вот такая проблема. Моя невестка превращает мой дом в настоящую психушку или, по крайней мере, старается превратить. Она пытается им завладеть. Она, конечно, делает все исподволь, но я-то знаю, что ей нужно. И хочу, чтобы духу ее рядом не было.

– Так за чем же дело стало? Разве это не ваш дом?

– Это не дом, а квартира. Пентхаус. Дуплекс. Двадцать комнат. Владелец я. Если я выставлю невестку вон, мой сын тоже уйдет, чего я категорически не желаю. В том-то и проблема. Невестка встает между мной и сыном. Я не в силах этому помешать. Говорю вам, она настоящая змея. Вы тут сказали, что с таким мощным стимулом, – он показал на толстую пачку денег, – я могу получить все доказательства для развода. Но вы ее не знаете. Она скользкая как уж. Обычному человеку с ней не справиться. Тут нужна личность вашего масштаба, с вашими способностями. – Он поглядел на меня. – Или с такими, как у Арчи Гудвина. Ведь я наслышан о репутации мистера Гудвина. На самом деле я пришел к вам, имея особые виды на мистера Гудвина. Хотите послушать?

– Сомневаюсь, что вам стоит утруждать себя. Ведь вы, собственно, охотитесь за доказательствами, необходимыми для развода.

– Я уже говорил вам, на кого охочусь. На эту змею. А теперь о Гудвине. Да, я сказал, что у меня есть секретарь. Но теперь уже нет. Я уволил его неделю назад. Речь идет об одной из последних сделок, с которой я пролетел. Я заподозрил секретаря в раскрытии инсайдерской информации и уволил его. Так что...

– Мне казалось, вы подозревали вашу невестку.

– Подозревал. И продолжаю подозревать. Вы ведь не станете отрицать, что можно подозревать двух лиц одновременно. Только не вы. Место секретаря свободно. Вот я и подумал, почему бы Гудвину его не занять? Он окажется в эпицентре событий, под одной крышей со змеей. И сумеет оценить ее по достоинству. Для этого будет масса возможностей. Уж она постарается. Мой секретарь всегда ел с нами за одним столом. На Гудвина данное правило, естественно, тоже распространится. По-моему, это самый удобный и короткий путь. По крайней мере, для начала. Если у вас нет других обязательств, он мог бы начать сегодня. Прямо сейчас.

Джаррелл не вызывал у меня особой симпатии, и все-таки мне было его жаль. Подобная недалёковидность не может не вызывать искреннего сочувствия. Если, как он считает, его невестка была скользкой как уж, а он предположительно хорошо разобрался в скользких личностях, то, значит, ему крупно не повезло. Да и вообще, сама идея, что Вулф сможет обойтись без меня – начиная с печатания писем и кончая выдворением нежелательных посетителей с применением силы, – казалась до нелепого смехотворной. Мне даже по уик-эндам было не отпроситься. Ну а если добавить к этому установленное Вулфом правило не шпионить за неверными супругами, что получаем в итоге?

Короче, пока я мысленно жалел капиталиста, Вулф заявил:

– Мистер Джаррелл, вы должны понимать, что мы не можем взять на себя никаких обязательств относительно пребывания мистера Гудвина в вашем доме. Кроме того, Гудвин может понадобиться мне здесь.

– Разумеется. Я понимаю.

– А теперь о том, что касается самой работы. Вы не боитесь, что окружающие догадаются об отсутствии у Гудвина необходимой квалификации?

– Нет, не боюсь. Никто не догадается. Даже мисс Кент, моя стенографистка. Ни один секретарь не знал, в чем заключаются его обязанности, пока я не вводил его в курс дела. Но вот одну деталь нужно хорошенько обдумать. Фамилия. Конечно, фамилия Гудвин не так широко известна, как ваша, мистер Вулф, но ее тоже многие знают. Ему придется взять другую фамилию.

Я уже успел достаточно опомниться, чтобы обрести дар речи. Вулф, без сомнения, предвидел, что, застигнутый врасплох, я начну громко протестовать, тем самым позволив ему выйти из затруднительного положения, но тут его опять же, без сомнения, ждало разочарование. Должен признаться, что после той встряски, которую он мне устроил, я испытал огромное облегчение, когда сумел ответить недрогнувшим голосом:

– Относительно другой фамилии, мистер Джаррелл. – Мои слова были обращены не к Вулфу, а исключительно к нашему посетителю. – Мне, само собой, придется взять с собой кое-какой багаж. Возможно, весьма внушительный, ведь я могу пробыть у вас сколь угодно долго. Но на моих чемоданах стоят мои инициалы. Обычная проблема. А.Г. Давайте-ка поглядим. Как насчет Абрахама Голдстайна?

– Я так не думаю. – Джаррелл задумчиво пожевал губами. – Нет. Лично я не имею ничего против евреев, особенно когда им нужны деньги, но вы не похожи на еврея. Ни капельки.

– Ладно. Тогда еще одна попытка. Полагаю, вы правы. Имя должно подходить. А как вам нравится Адонис Гилфойл?

Джаррелл захихикал, а затем, откинув голову назад, зычно расхохотался. После чего еще раз хихикнул и произнес:

– Учтите, у меня тоже есть чувство юмора. Поэтому, мистер Гудвин, я способен по достоинству оценить и ваше. Можете не сомневаться. Мы с вами поладим. А теперь дайте-ка я попробую. Буква «А». Алан? Нормально. «Г». Грин? Почему бы и нет? Алан Грин.

– Договорились. – Я встал с кресла. – Имя, конечно, не слишком колоритное, но на худой конец сойдет. Но мне нужно время, чтобы собрать вещи. Минут пятнадцать-двадцать. – Я направился к двери.

– Арчи! Сядь на место!

Итак, несмотря ни на что, первый раунд был за мной. Вулф владел этим домом и всем, что там находилось, за исключением мебели в моей спальне. Он был моим боссом и платил мне зарплату. Его вес превышал мои скромные 178 фунтов на целых сто фунтов. Кресло, с которого я только что поднялся, стоило 139 долларов 95 центов, а его огромное кресло, сделанное из бразильского вяза по спецзаказу, обошлось в 650 долларов. Мы оба имели лицензии частного детектива, но он был гением, а я – всего лишь рядовым оперативником. Он мог с помощью Фрица или без него, не моргнув глазом, приготовить веноч утки с рисом по-нормандски, а я даже яйца пашот толком не мог сварить. В оранжерее на крыше дома Вулфа насчитывалось не менее десяти тысяч орхидей, а у меня на подоконнике росла одна-единственная африканская фиалка, да и то какая-то чахлая. И так далее и тому подобное.

И вот наконец мне удалось его побить. Он ждал, что я запрошу пощады, но в результате попал впросак, и теперь, чтобы выпутаться из ситуации, ему вместо утки с рисом по-нормандски пришлось съесть дохлую ворону.

Я посмотрел на Вулфа и любезно спросил:

– В чем дело? Вас чем-то не устраивает имя Алан Грин?

– Вздор! Я не давал тебе указаний соглашаться на предложение мистера Джаррелла.

– Нет. Но вы ясно показали, что не возражаете. Очень ясно.

– Я собирался обсудить это с тобой.

– Да, сэр. Мы совещаемся. Пункты для обсуждения. Вы хотите внести предложения насчет имени Алан Грин? И может, прежде чем я отправлюсь туда, вам стоит проинструктировать меня прямо здесь, чтобы я мог все записать в блокнот? Думаю, это будет не вредно.

– Значит... – начал Вулф и осекся.

Скорее всего, он прикусил язык, собираясь сказать: «Значит, ты собираешься и дальше паясничать» или что-нибудь в том же роде, но ведь он чертовски хорошо знал, что сам напросился. Вы можете подумать, будто присутствие толстой пачки банкнот сыграло определенную роль, но сомневаюсь, что для Вулфа это было определяющим фактором. На моих глазах он дал от ворот поворот не одному мужу и не одной жене, которые предлагали куда более увесистые пачки наличных, чем эта, лишь бы он помог им избавиться от райского блаженства, обернувшегося кошмаром. Нет. Вулф знал, что проиграл этот раунд, и он знал, что я знаю, но не желал в этом сознаваться в присутствии постороннего.

– Очень хорошо. – Отодвинув кресло, он встал и повернулся к Джарреллу. – Прошу меня извинить. Гудвин скажет, какая информация ему необходима.

С этими словами Вулф обошел красное кожаное кресло и вышел из кабинета.

Я сел за свой письменный стол и достал ручку с блокнотом:

– В первую очередь мне нужны все имена, если не возражаете.

Глава 2

Не могу поручиться, что сумею помочь вам освоиться в том пентхаусе на Пятой авеню, поскольку мне самому так и не удалось изучить его до конца. На третий день я решил, что над проектом работали два разных архитектора, которые друг с другом не разговаривали. По словам Джаррелла, в доме насчитывалось двадцать комнат, но я думаю, комнат было семнадцать, или девятнадцать, или двадцать одна, или двадцать три. Но вот точно двадцать у меня никак не получалось. И вообще это был не дуплекс, а триплекс. Дворецкий Стек, экономка миссис Латэм и две горничные – Роуз и Фрида – спали на нижнем этаже, который, похоже, вообще не учитывался. Кухарка и водитель были проходящими.

Записав все эти сведения в блокнот и заполнив десять страниц другой информацией об Уаймене и Лоис, сыне и дочери Джаррелла от первой жены, скончавшейся много лет назад, я решил, что все комнаты оформлены в разном стиле, поскольку к этому приложили руку как Джаррелл с первой женой, так и его нынешняя супруга Трелла. Однако уже на второй день Роджер Фут, брат Треллы, меня просветил. Все дело было в декораторах. В оформлении дома приняли участие человек восемь, не меньше. Как только Джаррелла что-то начинало не устраивать, он менял декоратора. Что, естественно, вносило определенный вклад в общий сумбур. Гостиную размером с площадку для бадминтона, которую с легкой руки одного из приглашенных специалистов называли комнатой отдыха, оформили в стиле модерн с преобладанием чугуна: кованые рамы стульев, диванов, зеркал, кованая решетка камина, отделанного белой кафельной плиткой, кованые столики со стеклянными столешницами. А вот столовая, отделенная от гостиной лишь аркой, была выполнена в мавританском стиле. Сама арка представляла собой кошмарный ужас, тяжелый случай раздвоения личности. Для оформления боковой террасы, на которую имелся выход из столовой, также использовали мавританский стиль: с украшенными мозаикой кадками, ящиками для цветов и столешницами. Столовая располагалась на первом этаже пентхауса, или на десятом этаже многоквартирного дома. Большая передняя терраса с выходом на нее из гостиной и холла была олицетворением передовых технологий фирмы «Дюпон». Столики из цельного куска красного дерева, стулья из хромированного металла с плетеными пластиковыми сиденьями. В понедельник, по прибытии, я увидел на террасе огромные деревянные кадки с розовым дереном в цвету, но в среду, заскочив в гостиную пропустить стаканчик, вместо дерена обнаружил усыпанные бутонами рододендроны. Мне невольно пришло на ум саркастическое замечание, некогда брошенное Джорджем Кауфманом Моссу Харту: «Это всего лишь показывает, что мог бы сотворить Бог, будь у него деньги».

Кабинет Джаррелла, который назывался библиотекой, также находился на первом этаже. Когда в понедельник днем мы с мистером Джарреллом приехали к нему, то буквально с порога он провел меня в кабинет, поручив заботу о моем багаже Стеку, своему дворецкому. Кабинет оказался просторной квадратной комнатой с окнами на одну сторону, куда в свое время, похоже, не допустили декораторов. В кабинете было три письменных стола: большой, средний и маленький. На большом столе стояли четыре телефонных аппарата: красный, желтый, белый и черный; на среднем столе – три: красный, белый и черный, а на маленьком столе – только два: белый и черный. Одну стену целиком занимали стальные картотечные шкафы в человеческий рост, а другую – книжные полки, заваленные книгами и журналами. Уже позже я обнаружил, что литература была сплошь деловая: от «Доходности устриц» и до «Каталога североамериканских корпораций» за последние двадцать лет. У четвертой стены, имевшей три двери, стояли два больших сейфа, стол, заваленный периодикой – также сугубо деловой, – и холодильник.

Джаррелл подвел меня к маленькому столу, размером примерно с мой в доме у Вулфа, и сказал:

– Нора, это Алан Грин, мой секретарь. Ты должна помочь ввести его в курс дела.

Нора Кент, сидевшая за маленьким столом, откинула голову, устремив на меня взгляд серых глаз. Она явно выглядела моложе своих сорока семи лет, указанных в моем блокноте, несмотря на проглядывавшую в мягких каштановых волосах седину. Стенографистка, которая вот уже двадцать два года проработала у Джаррелла, показалась мне компетентной, надежной и смысленной. Впрочем, то же самое было написано в моем блокноте. Она протянула руку, ответив мне крепким, но коротким рукопожатием.

– Мистер Грин, я к вашим услугам. – Нора перевела взгляд серых глаз на Джаррелла. – Мистер Клей три раза звонил. Вас искал биржевой маклер. Толедо, семь-девятнадцать. Некий мистер Уильям Р. Боуэн. Миссис Джаррелл пригласила к обеду троих гостей, список имен у вас на столе. Там еще телеграмма. С чего мне начать ознакомление мистера Грина?

– Ничего срочного. Пусть передохнет. – Джаррелл показал на среднего размера стол, с правой стороны. – Это ваш, мистер Грин. Теперь вы знаете, куда идти. А нас с Норой ждут кое-какие дела. Я сказал Стеку... А вот и он. – (Дверь открылась, и в кабинет вошел дворецкий.) – Стек, прежде чем проводить мистера Грина в его комнату, покажи ему дом. Мы ведь не хотим, чтобы он заблудился. Вы сообщили миссис Джаррелл, что он здесь?

– Да, сэр.

– Грин, можете не возвращаться назад. Я буду занят. Ну а вы пока осмотритесь. Коктейли подают в комнату отдыха в шесть тридцать.

Дворецкий пропустил меня вперед и закрыл за нами дверь.

– Вам сюда, сэр, – произнес он и припустил по коридору со скоростью миля в минуту.

– Стек, чуть помедленнее! – (Услышав мои мольбы, он слегка сбавил темп.) – Вы себя совсем не жалеете. – Здесь я не погрешил против истины: Стек был на дюйм выше меня, но гораздо худее; вытянутое, печальное бледное лицо переходило в тощую шею, на которой слегка кривовато висел черный галстук. – Наверняка у вас еще куча дел.

– Да, сэр. Несомненно. У меня много обязанностей.

– Я так и думал. Просто покажите мою комнату.

– Сэр, мистер Джаррелл распорядился показать вам дом.

– Вы сможете это сделать позже, если успеете. А сейчас я предпочел бы пройти к себе. Мне нужно срочно промочить горло.

– Хорошо, сэр. Вам сюда, сэр.

Он провел меня дальше по коридору, завернул за угол и подошел к лифту. Я поинтересовался, а есть ли тут лестница, и Стек ответил, что здесь их целых три: из гостиной, из коридора и черная лестница для прислуги. А также три лифта. Тот, которым мы воспользовались, был внутри позолоченным, а может, даже отделан листами чистого золота. На верхнем этаже мы свернули налево, затем – направо. Стек открыл дверь в конце коридора, кивком пригласил меня внутрь и вошел следом, чтобы объяснить насчет телефонных аппаратов. Зеленый аппарат осуществлял связь с внешним миром, а черный предназначался для местных звонков, например от мистера Джаррелла. Мне следовало воспользоваться именно черным, чтобы связаться со Стеком, когда я буду готов к экскурсии по дому.

Комната размером двенадцать на шестнадцать футов, с двумя закрытыми жалюзи окнами, оформленная в синих и лимонно-желтых тонах, за исключением ковров в темно-коричневую полосу, показалась мне немного аляповатой, но вполне приемлемой. Кровать нормальная, ванная тоже. При других обстоятельствах я непременно воспользовался бы зеленым телефонным аппаратом, чтобы позвонить Вулфу и доложить о своем прибытии, но сейчас решил этого не делать, чтобы не сыпать соль на его раны. Неторопливо распаковав багаж и решив обойтись без бритвы, я вымыл руки, поправил галстук, достал блокнот, сел у окна и открыл страницу со списком имен:

Миссис Отис Джаррелл (Трелла)

Лоис Джаррелл, дочь от первой жены
Уаймен Джаррелл, сын от первой жены
Миссис Уаймен Джаррелл (Сьюзен)
Роджер Фут, брат Треллы
Нора Кент, стенографистка
Джеймс Л. Эбер, бывший секретарь
Кори Бригам, друг семьи, проворачивавший сомнительные сделки

Последние двое здесь не жили, но, похоже, им следовало уделить внимание, чтобы хоть куда-то продвинуться, в чем я сильно сомневался. Если Сьюзен и в самом деле была змеей, а единственный способ получить гонорар – это выставить ее из дому, разлучив с мужем, мне придется здорово попотеть. Я посмотрел на наручные часы. Коктейли подадут только через сорок минут. Убрав блокнот в небольшую сумку, где лежали личные вещи, явно не подходящие для Алана Грина, я запер ее, вышел из комнаты, нашел лестницу и спустился на нижний этаж.

Я бы погрешил против истины, заявив, что за четверть часа успел пять раз заблудиться, поскольку нельзя заблудиться, не имея точного пункта назначения, но я действительно оказался в тупике. Похоже, все как один архитекторы, принимавшие участие в создании этого жилья, понятия не имели, что такое прямая линия. Более того, они явно расходились во мнениях, как проектировать повороты и углы. Оказавшись в третий раз возле открытой двери, которую я опознал по видневшемуся в проеме роялю, а также по доносившимся изнутри звукам то ли радио, то ли телевизора, я решил попробовать попасть на переднюю террасу, но внезапно услышал за спиной чей-то голос:

– Это ты, Уай?

Попятившись, я вошел в комнату, которая, как я узнал позже, называлась студией.

– Меня зовут Алан Грин, – представился я. – Кажется, я заблудился.

Она полулежала на диване, откинувшись на подушки. В силу зрелого, но отнюдь не почтенного возраста она не могла быть ни Лоис, ни Сьюзен, а значит, скорее всего, передо мной была Трелла, супружеская неурядица Джаррелла. Эта голубоглазая блондинка, с расплывшимся лицом и шестью-восемью лишними фунтами вокруг талии, наверняка пользовалась вниманием мужчин, пока не раздалась вширь. Однако то, что находилось ниже подола синего платья, не прикрывавшего коленей, все еще заслуживало внимания сильного пола. Пока я рассматривал ее ноги, она взяла пульт дистанционного управления, выключила телевизор и, окинув меня пристальным взглядом, сказала:

– Секретарь.

– Да, мэм, – подтвердил я. – Только что поступил на работу к вашему мужу. Если вы, конечно, миссис Отис Джаррелл.

– Вы не похожи на секретаря.

– Я в курсе. Каюсь. Это мой главный недостаток. – Я улыбнулся ей, так как она явно располагала к улыбкам. – Но я постараюсь исправиться.

Она зевнула, прикрыв рот маленькой пухлой ладошкой:

– Черт, никак не могу проснуться! Телевизор усыпляет лучше любого снотворного. Согласны? – Она похлопала рукой по дивану. – Присаживайтесь. С чего вы взяли, что я миссис Отис Джаррелл?

Я галантно остался стоять.

– Начать с того, что вы здесь. Вы явно не мисс Лоис Джаррелл, потому что вы наверняка замужем. И не миссис Уаймен Джаррелл, поскольку, как мне показалось, мой работодатель не испытывает к ней особой любви, а вас нельзя не любить.

– А почему вам так показалось?

– Из его собственных слов. Когда он строго-настрого приказал мне ни с кем не обсуждать его рабочие дела, включая членов семьи, мне показалось, он, в частности, имел в виду свою невестку.

– Ну а с чего вы взяли, что я замужем?

Я снова улыбнулся:

– Прошу прощения, но вы сами напросились. Глядя на такую женщину, как вы, и хорошо зная мужскую природу, я никогда не поверю, что вы до сих пор свободны.

– Очень мило, – улыбнулась она. – Очень мило. Господи, мне не за что вас прощать! Вы не только не похожи на секретаря, но и говорите не как секретарь. – Она отодвинула в сторону пульт от телевизора. – Да садитесь же наконец. Скажите, вы любите баранью ногу?

Я понял, что самое время немного притормозить. Конечно, с ходу подружиться с хозяйкой дома было весьма полезно для начинающего змеелова; улыбаться и сидеть рядышком на диване тоже было очень неплохо, но вот озабоченность хозяйки дома гастрономическими предпочтениями нового секретаря после трех минут знакомства я посчитал несколько преждевременной. И хотя я, по словам Треллы, не был похож на секретаря, мне, пожалуй, не мешало бы войти в роль, и я уже собирался это сделать, когда нежданно-негаданно подоспела подмога.

В коридоре послышались шаги, и в комнату вошел какой-то мужчина. Сделал три шага и, увидев меня, остановился как вкопанный.

– Ах! Значит, тебя не нужно будить, – сказал он, повернувшись к блондинке.

– Не сегодня, Уай. Это новый секретарь твоего отца. Грин. Алан Грин. Мы с ним уже познакомимся.

– О... – Мужчина подошел к блондинке и, склонившись над ней, поцеловал в губы отнюдь не сыновним поцелуем, хотя она и не была его матерью, затем выпрямился и сказал: – Ты сегодня не выглядишь сонной, да и глаза не такие заspanные. И наверняка успела выпить.

– Нет, не успела. – Улыбнувшись мужчине, она показала на меня рукой: – Он меня разбудил. Нам он точно понравится.

– Ой ли? – Мужчина протянул мне руку: – Уаймен Джаррелл.

Он был на два дюйма ниже меня и на два дюйма уже в плечах. Отцовские карие глаза, а вот все остальное он явно унаследовал от кого-то другого, особенно аккуратные маленькие уши и тонкий прямой нос. На лбу Уаймена залегли три глубокие морщины – как-то рановато для двадцатисемилетнего парня.

– Я бы с вами пообщался, но это прерогатива моего отца. Еще увидимся, – посмотрев на меня, сказал он, повернулся ко мне спиной и тотчас же исчез.

Пока я шел к двери, миссис Джаррелл успела сообщить, что коктейли подадут в гостиной в половине седьмого. Поблагодарив ее, я покинул студию. Когда я шел по коридору в сторону террасы, то столкнулся с какой-то одетой в униформу женщиной, злобно скосившей на меня глаза. Застигнутый врасплох, я ответил ей таким же злобным взглядом. Похоже, вся эта шайка-лейка не слишком соблюдает формальности. Уже после я узнал, что у Фриды врожденное косоглазие, но не стал муссировать эту тему.

Во время своего путешествия по дому я уже выходил на секунду на переднюю террасу и имел удовольствие видеть дерен, а также столики из цельного красного дерева, хромированный металл и пластик, но сейчас я подошел к парапету полюбоваться видом на Пятую авеню и Центральный парк. Солнце било прямо в глаза, я прикрыл их ладонью, чтобы разглядеть белку, сидевшую высоко на ветке дерева, и в этот момент за моей спиной послышался чей-то голос:

– Ты кто такой, Сидящий Бык?

Я резко развернулся. Ко мне направлялась девушка в белом, с загорелыми обнаженными руками, загорелыми шеей и ложбинкой между грудей, загорелым лицом с ямочками на щеках, зеленовато-кариими глазами и завязанными в конский хвост волосами. Кто-нибудь наверняка скажет, что разглядеть с одного взгляда подобные мелочи невозможно, но я как-никак детектив

и привык все подмечать. Я успел не только разглядеть девушку, но и подумать, что если это и есть Сьюзен, та самая змея, то мне придется срочно приступить к изучению герпетологии – эта наука вроде бы так называется, хотя можно и проверить.

Когда девушка оказалась в пяти шагах от меня, я наконец набрался смелости и сказал:

– Моя есть хороший индеец. Моя дружить с белым мужчиной. Но ты не мужчина и ты не белая. Ну а вообще-то, я наблюдал за белкой. Меня зовут Алан Грин. Я новый секретарь. Только сегодня приступил к работе. Мне велели осваиваться, вот я и осваиваюсь. Даже успел познакомиться с вашим мужем.

– Только не с моим мужем. Это невозможно. Я старая дева по имени Лоис. А вы любите белок?

– Зависит от того, какая белка. Обаятельная белка с хорошим характером, без вредных привычек; белка, которая правильно голосует и на которую можно положиться в критической ситуации, – вот такая белка мне нравится. – (При ближайшем рассмотрении ямочки на щеках оказались просто небольшими впадинками, где под определенным углом преломления света залегали тени.) – Надеюсь, у меня не слишком завышенные требования?

– Подойдите сюда на минуточку. – Лоис положила ладонь на отделанную плиткой верхнюю часть парапета, а другой рукой махнула в сторону парка. – Видите вон то дерево? На которое я показываю?

– То, покалеченное?

– Оно самое. Как-то в марте у самой макушки этого дерева по веткам скакала белка. Мне тогда было девять лет. Отец подарил брату на день рождения ружье. Я взяла ружье, зарядила его, вышла на террасу, остановилась в этом самом месте, дождалась, когда белка замрет, и подстрелила ее. Она свалилась вниз. Падая, она дважды ударилась о ветки. Я позвала Уая, своего брата, и, когда он подошел ко мне, показала ему безжизненное тельце белки внизу, а он... Впрочем, остальное уже не имеет значения. Видите ли, у меня есть привычка для начала рассказывать каждому мужчине, в которого я могу влюбиться, о самом своем дурном поступке, тем более что вы первым заговорили на эту тему, сообщив, что наблюдаете за белкой. Ну вот, теперь вы знаете мою страшную тайну, хотя, возможно, сочтете еще более ужасным то, что спустя несколько лет я написала поэму под названием «Реквием по грызуну». Она была напечатана в моей школьной газете.

– Да, это действительно ужасно. Как можно было так унижить белку, назвав ее грызуном?! Хотя она и вправду грызун.

– Я догадывалась. В один прекрасный день я схожу к психоаналитику и все узнаю. – Девушка небрежно махнула рукой в сторону неведомого будущего. – А как у вас зародилась мысль стать секретарем?

– Во сне. Много лет назад. Мне приснилось, будто я стал секретарем богатого пирата. Его красавица-дочь стояла на краю утеса и целилась в суслика, который тоже считается грызуном, хотя и обитающим в прерии. И когда дочь пирата подстрелила суслика, она так расстроилась, что бросилась с утеса вниз. Я находился внизу и, подхватив ее, спас ей жизнь, так что все закончилось чрезвычайно романтично. Вот так я и стал секретарем.

Она удивленно подняла брови и широко открыла глаза:

– Трудно себе представить, как дочь пирата могла стоять на краю утеса посреди прерии. Вы, должно быть, бредили.

Ни один уважающий себя мужчина не станет прерывать разговор, явно зашедший в тупик. Это должна сделать его собеседница. Но у Лоис хватило воспитания перевести разговор на другую тему. Вернув глаза в исходное положение, она склонила голову набок и сказала:

– Вы знаете, мне кажется, я уже видела вас раньше. Вот только не припомню где. А у меня хорошая память на лица. Так где это было? Или вы тоже не помните?

Да, все тайное рано или поздно становится явным. Мое фото появлялось в газетах не так часто, как снимки президента Египта или хотя бы Ниро Вулфа. Последняя фотография была опубликована почти год назад, но наверняка могла где-нибудь выплыть. Я широко улыбнулся Лоис. По крайней мере, на фото я никогда не улыбался. А кроме того, это давало мне шанс перехватить инициативу.

– Такое не забывается. Я забываю исключительно те лица, которые мне нет нужды запоминать. Единственное разумное объяснение, что вы могли видеть меня только во сне.

– Ну ладно, – рассмеялась она. – Будем считать, вы сравняли счет. Жаль, что мне никак не вспомнить. Конечно, я могла видеть вас в театре или в ресторане, но если я все-таки вспомню, то вам не скажу, чтобы вы не возомнили о себе невесть что. Впрочем, в этом доме с вас быстро сойдут спесь. Он, конечно, мой дорогой папочка, но работать на него, должно быть, еще то удовольствие. Не понимаю... Привет, Роджер. Ты знаком с Аланом Грином? Папин новый секретарь. А это Роджер Фут.

Я повернулся к нему лицом. Брат Треллы был немного похож на нее, так же как Уаймен Джаррелл – на своего отца. Роджер был крупным мужчиной, плечистым и мускулистым, с широким скуластым лицом. И вполне мог бы раздавить мне руку своей мясистой ладонью, если бы я не держал ухо востро. Но предупрежден, значит вооружен. Я в ответ крепко пожал ему руку, так что игра закончилась вничью.

– Сильный мужик, – сказал он. – Мои поздравления. Спорим, эта молодая кобылка уже склонила голову вам на плечо. Десять к одному, она уже поведала вам очень печальную историю об убитой белке.

– Роджер, – объяснила Лоис, – любитель лошадей. Он даже собирался поехать на дерби в Кентукки. Когда-то у него была лошадь, да вся вышла. Ну как, Роджер, сегодня никакого ипподрома Пимлико?

– Да, мой ангел. Я, конечно, мог бы туда попасть, но там и остался бы. Твой папаша приказал «Вестерн юнион» не принимать от меня телеграммы за счет адресата. Не говоря уже о телефонных звонках за счет абонента. – Роджер повернулся ко мне. – И вы рассчитываете все это выдержать?

– Точно сказать не могу, мистер Фут. Я здесь всего два часа. Неужели все так плохо?

– Хуже того. Даже если вы и не приживалка вроде меня. Мой зять – человек из железа. Его вполне можно было бы использовать в качестве подручного материала для оформления железяками этой чудовищной комнаты отдыха. Эх, нужно было так и сделать! Возьмем, к примеру, скачки. Я бы сейчас скакал на Айроне Лидже или мог бы скакать, если бы этот жеребец был моим. И тогда я хотя бы на неделю, а может, и на подольше вырвался бы на свободу. Улавливаете связь? Кто-нибудь поверит, что человек из железа авансует мое участие в скачках на Айроне Лидже? Нет. – Он поднял руку, но, увидев при ближайшем рассмотрении, что в ней ничего нет, бессильно уронил. – Наверное, я оставил свой стакан в доме. Не хотите промочить горло?

– Лично я хочу, – провозгласила Лоис. – А вы, мистер Грин? Можно просто Алан? Мы с секретарями общаемся запросто, без церемоний. Пошли!

Я проследовал за ними в гостиную и дальше к переносному бару, где Отис Джаррелл в компании незнакомых мужчины и женщины смешивал мартини. Мужчина, жилистый, мелковатый, черноглазый, черноволосый, был одет в темно-серый костюм с приталенным пиджаком. Женщина, на полголовы выше мужчины, рыжеволосая, то ли крашенная, то ли нет, с молочно-белым лицом, что-то говорила, ни на секунду не закрывая рта. Джаррелл меня представил, однако их имена я узнал уже после: мистер и миссис Герман Диц. Новый секретарь их явно не заинтересовал. Роджер Фут, переместившись к другому краю бара, приготовил для Лоис «Кровавую Мэри», налил мне скотч с водой, а себе – двойной бурбон.

Глотнув живительной влаги, я огляделся вокруг. Уаймен, сын Джаррелла, и Нора, стенографистка, стояли возле незажженного камина и беседовали, скорее всего, о делах. Неподалеку уютно устроившаяся в большом мягком кресле Трелла благосклонно взирала на какого-то мужчину, сидевшего на подлокотнике ее кресла.

Неожиданно до меня донесся голос Лоис:

– Вы ведь уже знакомы с моей мачехой, да?

Я ответил, что знаком, а вот с женщиной нет, и Лоис сказала, что это Кори Бригам, и собралась было что-то добавить, но передумала. Я удивился, увидев его здесь, так как в моем списке он значился как человек, сорвавший сделку, однако гостей приглашала Трелла, не Отис. А может, и нет. Быть может, его пригласил Джаррелл, чтобы дать мне возможность познакомиться с этим парнем и узнать его поближе. Издалека он явно не тянул на почетного гостя. Бригам склонился над Треллой с хорошо отработанной улыбкой и скорее походил на средних лет сердееда с миллионом долларов в кармане, который отстегивает двадцать баксов метродотелю и всего десять центов таксисту. Я внимательно разглядывал его, чтобы занести в список неоконченных дел, но тут он повернул голову налево, и я вместе с ним, чтобы установить объект его внезапного интереса.

В комнату вошла змея.

Глава 3

Конечно, она могла специально подгадать так, чтобы войти, когда все уже будут в сборе, а появившись на людях, умышленно выбрать для себя роль второго плана. Хотя, вероятно, она просто не любила сборища, даже семейные, и максимально оттягивала свой выход, ну а потом, когда отступать уже было некуда, постаралась сделаться как можно более неприметной. Однако я предпочел оставить свою точку зрения при себе, поскольку не имел предвзятого мнения, а точнее, имел два предвзятых мнения, уравнивающих друг друга. У змеиной теории были свои плюсы, ведь от нее зависел наш гонорар, но при этом были и свои минусы, поскольку мне категорически не нравился наш клиент и было бы неплохо посадить его в лужу. Таким образом, я без всякой задней мысли смотрел, как миссис Уаймен Джаррелл идет к камину, где ее супруг беседует с Норой Кент. В движениях Сьюзен не было ничего змеиного. Возможно, она плыла по комнате, но уж точно не скользила. Поцеловав ее в щеку, супруг направился к бару, очевидно, чтобы налить ей чего-нибудь выпить.

Трелла позвала меня по имени – просто Алан, – видимо, она, как и ее брат, общалась с секретарями без особых церемоний, – а когда я подошел, представила Кори Бригаму. Похлопав рукой по свободному подлокотнику, Трелла предложила мне сесть, что я и сделал, чувствуя себя здесь в большей безопасности, чем в студии, после чего Бригам поднялся и отошел от нас. Трелла посетовала на то, что я так и не ответил на ее вопрос о бараньей ноге, а ей непременно нужно знать. Возможно, я неправильно ее понял, и она просто хотела быть любезной, позаботившись о том, чтобы наемному работнику понравилась жратва, хотя это вряд ли. Она могла бы просто спросить, но нет, она буквально проворковала вопрос. Быть может, я не такой крупный знаток женщин, каким считает меня Вулф, но что-что, а уж воркованье я ни с чем не спутаю.

Я, естественно, уделил Трелле должное внимание как хозяйке дома и жене моего работодателя, при этом краем глаза наблюдая за странным явлением. Когда Уаймен принес Сьюзен напиток, возле нее уже топтался Роджер Фут. Кори Бригам явно шел в сторону камина, а через пару минут туда же устремился Герман Диц. Итак, четверо из шестерых представителей мужского пола собрались вокруг Сьюзен, но, насколько я успел заметить, она для этого даже пальцем не пошевелила. Джаррелл по-прежнему стоял возле бара с рыжеволосой женой Дица. Лоис и Нора Кент удалились на террасу.

Трелла, очевидно перехватив мой взгляд, сказала:

– Нужно подойти поближе, чтобы оценить ее по достоинству. Издалека она смотрится более блекло.

– Ее? Вы о ком?

Трелла похлопала меня по руке:

– Да ладно вам. Я не против. Уже привыкла. Сьюзен. Жена моего пасынка. Ступайте и попробуйте вклиниться в разговор.

– Похоже, у нее и без меня есть с кем поговорить. К тому же мы не знакомы.

– Не знакомы? Так не годится. – Повернувшись, Трелла пропела: – Сьюзен! Иди сюда!

Сьюзен тотчас же повиновалась. Круг поклонников разомкнулся, и Сьюзен подошла к нам:

– Трелла, ты что-то хотела?

– Хочу представить тебе мистера Грина. Алана. Он поступил на место Джима. Алан уже успел познакомиться со всеми, кроме тебя, а это несправедливо.

Я пожал протянутую мне руку и за те доли секунды, что длилось рукопожатие, успел заметить, что рука эта теплая и крепкая. Издалека Сьюзен действительно смотрелась более блекло. Но даже вблизи мой взгляд не смог ни на чем задержаться: просто маленькое овальное лицо.

– Добро пожаловать в наше орлиное гнездо, мистер Грин, – сказала она.

У нее был тихий голос, то ли от застенчивости, то ли из жеманства, то ли из притворной скромности – зависит от занятой вами позиции. У меня пока не было никакой позиции, и я не собирался ее вырабатывать, не имея на то достаточно оснований. Единственный вывод, к которому я пришел на данный момент, так это то, что Сьюзен не шипит, как кобра, и не гремит, как гремучая змея. Она единственная из всей шайки-лейки приветствовала меня в здешних стенах, что было весьма любезно и великодушно с ее стороны, хотя, по идее, это было прерогативой хозяйки дома. Однако я так или иначе поблагодарил Сьюзен. Она неуверенно посмотрела на Треллу, словно не зная, следует остаться для поддержания беседы или можно спокойно уйти, после чего, прошептав нечто вежливое, удалилась.

– Думаю, это у нее природное, – заметила Трелла. – Или что-то такое в крови. В любом случае нечто такое, чего нельзя увидеть или услышать. Вроде гипноза. Но мне кажется, она умеет включать и выключать свое обаяние. Вы почувствовали?

– Миссис Джаррелл, я всего-навсего секретарь, а секретари ничего не чувствуют.

– Черта с два! Джим Эбер все отлично чувствовал. Хотя, конечно, вы с ней еще мало знакомы, а возможно, у вас к этому иммунитет.

Трелла начала пересказывать мне книжку о гипнозе, которую недавно прочла, но тут в гостиную вошел Стек и сообщил, что кушать подано.

Число гостей было неравным: пять женщин и шестеро мужчин. Поэтому меня посадили между Лоис и Роджером Футом. Я подметил пару деталей, которые не мешало бы прокомментировать. Стенографистка не только обедала вместе с семьей Джаррелла, но и сидела рядом с хозяином дома. Экономка миссис Латэм помогала подавать еду. Мне почему-то всегда казалось, что экономки выше таких вещей. Роджер Фут, который успел изрядно принять на грудь, ел, словно водитель грузовика – нет, неправильно, – он ел скорее как бомж. Общей застойной беседы не было, в основном соседи по столу общались между собой, если не считать выступления Кори Бригама по поводу бюджета, подписанного Эйзенхауэром. Баранья нога оказалась первоклассной. Естественно, не такой, как у Фрица, но вполне приемлемой. Я заметил, что Трелла пару раз посмотрела в мою сторону. Салат был водянистым. Конечно, я не самый большой знаток вин, но сомневаюсь, что вино заслуживало тех похвал, что прозвучали из уст Германа Дица.

Когда мы проходили под мавританской аркой, точнее, под псевдомавританской аркой, чтобы выпить в гостиной кофе, Трелла поинтересовалась, играю ли я в бридж, но Джаррелл ее оборвал:

– Только не сегодня. Он мне нужен. Завтра меня здесь не будет. У тебя достаточно партнеров.

– Тогда пусть останется Нора. Ведь Сьюзен, как тебе известно, не играет в карты.

– Нора мне сегодня не нужна. Забирай ее.

Если бы Сьюзен играла в карты, а я мог бы подстроить так, чтобы оказаться за ее столом, было бы жаль упустить такой шанс. Возможно, вы не узнаете всего, что нужно узнать о женщине, проведя с ней вечер за игрой в бридж, однако вы наверняка будете знать больше, чем тогда, когда только сажались играть. К тому времени, как мы допили кофе, игроки выбрали себе партнеров и Стек приготовил столы. Я подумал было, что Сьюзен удалится в свой одиночный окоп, но ошибся. Когда мы с Джарреллом покидали гостиную, она была на террасе.

Джаррелл провел меня через холл, устланный персидским ковром размером с мою спальню в доме Вулфа – да, у меня тоже есть купленный лично мной персидский ковер размером восемь футов четыре дюйма на три фута два дюйма, – по коридору, и после нескольких поворотов мы оказались перед дверью в библиотеку. Достав из кармана связку ключей, Джаррелл выбрал ключ и открыл дверь. Внезапно нас ослепил луч света, настолько яркого, что я даже заморгал.

Джаррелл со смехом убрал связку ключей.

– Это моя идея. – Он махнул рукой в сторону двери. – Видите часы? Каждого, кто входит в эту комнату, снимает скрытая камера, а часы указывают время. Мало того, снимки поступают по прямому каналу связи в Охранное агентство Хорланда всего в паре кварталов отсюда. Их дежурный уже увидел, как мы открываем дверь в библиотеку. На моем письменном столе есть специальный тумблер, и, когда мы входим, Нора или я отключаем сигнализацию. Такая же сигнализация установлена на дверях квартиры – передней и задней. Я дам вам от них ключи. С такой системой мне не приходится волноваться о безопасности. Допустим, Джим Эбер мог сделать дубликаты ключа. Но мне на это глубоко наплевать. Ну что скажете?

– Очень ловко. Дорого, но ловко. Хотя должен заметить, что, если кто-нибудь из агентства увидит меня здесь с вами, он может меня узнать. По крайней мере, по фото. Меня многие знают. Для вас это имеет значение?

– Сомневаюсь. – Выключив свет, Джаррелл подошел к письменному столу. – Но я им позвоню. Черт, мне следовало войти первым и выключить систему! Да, я им позвоню. Присаживайтесь. Сигару хотите?

Именно сигара, которую он закурил в гостиной после обеда, заставила меня всю дорогу отводить глаза. Сам я не курю сигар, но если кто-то рядом раскурит сигару «Гавана», то смогу сразу уловить аромат первоклассного табака. Когда Джаррелл пустил коробку сигар по кругу, я заметил, что в коробке были «Портанагас», но, когда он закурил, запах сигары отнюдь не доставил мне удовольствия. На самом деле мне даже пришлось выдохнуть дым через нос. А это никуда не годилось. Если ты не в силах вынести запах «Портанагас», потому что их курит твой клиент, держи себя в руках, дабы избежать предвзятого к нему отношения, что было бы крайне неэтично. Хотя в любом случае, отказавшись от сигары, я сэкономил Джарреллу три бакса.

Откинувшись на спинку кресла, Джаррелл выпустил изо рта струйку дыма:

– Итак, каковы впервые впечатления?

Я принял рассудительный вид:

– Впечатлений пока не слишком много. Я успел перемолвиться с ней лишь парой слов. Что касается вашего предложения выяснить мнение других людей о вашей невестке, в частности вашей жены и ее брата, то за обедом не подвернулось подходящего случая, да и потом, во время игры в карты, вряд ли нашлась бы такая возможность. Пожалуй, стоит попытаться обработать Кори Бригама.

– Перед обедом вы могли собственными глазами убедиться, что здесь творится.

– Конечно. Так же как Фут и Диц, не говоря уже о вашем сыне. Ваша жена думает, она их гипнотизирует.

– Откуда вам знать, что думает моя жена! Вы знаете о том, что она думает, лишь с ее слов. Значит, вы успели обсудить эту змею с моей женой?

– Весьма поверхностно. Пока я плохо понимаю, когда мне представится возможность обсудить все более подробно. Как ваш секретарь, я обязан весь день быть с вами и мисс Кент. Но что мне делать, если остальные весь вечер играют в бридж?

– Понимаю. – Он стряхнул пепел в пепельницу. – Завтра вам не придется торчать здесь все утро. Я улетаю утренним рейсом в Толедо и не знаю, когда вернусь. На самом деле, когда меня нет, моему секретарю вообще ни черта не нужно делать. Нора в курсе, и я скажу ей забыть о вас до моего возвращения. Как я уже говорил вам сегодня днем, не сомневаюсь, что, в отличие от меня, все кругом много чего знают о моей невестке. Даже моя дочь. Даже Нора. – Он устремил на меня пристальный взгляд. – Действуйте по своему усмотрению. Я уже объяснил вам насчет своей жены: она способна заморочить голову, но не стоит верить всему, что она говорит. Вы танцуете?

– Да.

– Вы хороший танцор?

– Да.

– Лоис обожает танцевать. Но она очень разборчива. Пригласите ее завтра вечером на танцы. Роджер уже подкатывался к вам с просьбой одолжить денег?

– Нет. Мы пока не оставались наедине.

– Ну это вряд ли может остановить его. Если он попросит денег, так и быть, дайте пятьдесят или сто. И попытайтесь внушить ему, что мы с вами отлично поладили... Пусть думает, будто у вас что-то на меня есть. Купите моей жене цветы, но не слишком роскошные. Как будто вы сами за них заплатили. Она любит, когда мужчины тратят на нее деньги. Можете сводить ее на ланч в «Рустерман», например, и оставьте щедрые чаевые. Когда мужчина оставляет хорошие чаевые, она воспринимает это как личный комплимент.

Мне ужасно хотелось отодвинуть стул подальше от его сигары, но я подавил в себе это желание.

– Лично я, собственно, не возражаю против такой программы, но я работаю профессионально. Для простого секретаря это будет явным перебором. Они же не полудурки.

– Не имеет значения. – Он демонстративно отмахнулся сигарой. – Пусть думают, будто у вас на меня что-то есть. Пусть думают все, что угодно. Но суть в том, что дом мой и деньги тоже мои, и, если я что-то поддерживаю, они в любом случае это примут, даже если ни черта не поймут. Единственное исключение – моя невестка. Вот ради нее вы и здесь. Она делает дурака из моего сына, вбивает между нами клин, сует нос в мои дела. Итак, я делаю вам предложение. В тот день, когда она уберется из моего дома, вы получите десять тысяч налом в дополнение к любому гонорару, который запросит Ниро Вулф. В тот день, когда будет официально объявлено о разводе и мой сын останется со мной, вы получите пятьдесят тысяч. Лично вы. Дополнительно ко всем расходам, которые вы понесете, помимо гонорара Вулфа и его расходов.

Как я уже говорил, ни один мужчина не сравнится с женщиной в умении прекратить разговор, но Отис Джаррелл сделал чертовски хорошую попытку. Должен признаться, я был польщен. Несомненно, он явился к Вулфу с целью заполучить именно меня, заполучить меня в свою библиотеку и предложить шестьдесят штук плюс оплата расходов, чтобы прижать к ногтю свою невестку, которая, вероятно, вовсе и не была змеей. Ведь если бы она действительно оказалась змеей, желание Джаррелла избавиться от нее было бы вполне понятным и он поручил бы это дело Вулфу, позволив мне честно отработать свою зарплату.

Нет, действительно крайне лестно.

– Серьезное предложение, – сказал я. – Но есть одна загвоздка. Я работаю на мистера Вулфа. И мне платит именно он.

– Вы по-прежнему будете работать на него. Я только хочу, чтобы вы сделали то, ради чего я его нанял. Он получит свой гонорар.

Я был оскорблен в лучших чувствах. Джаррелл поставил под сомнение мои умственные способности. Ему не следовало высказывать свои желания настолько откровенно. Да, я с удовольствием расправил бы плечи, гордо поднял бы голову, сказал бы, что мне не нужны его деньги, и посоветовал бы ему вернуться на дерево, с которого он, похоже, недавно слез. И это стало бы самым простым выходом из положения, но здесь имелись свои минусы. Во-первых, вероятность того, что невестка – действительно змея, была крайне мала, тогда зачем ее подставлять? Во-вторых, если она не была змеей, а Джаррелл собирался ее подставить, Сьюзен следовало знать об этом, ведь она это явно заслужила. Но Джаррелл по-прежнему считался клиентом Вулфа, причем свое предложение мой новый работодатель сделал наедине, без свидетелей, то есть мое слово – против его слова. Более того, у Вулфа в сейфе уже лежали десять штук – слишком большая сумма, чтобы вот так запросто от нее отказываться. И если мы хотим получить эти деньги, необходимо проявить должную любознательность.

Я напряг мышцы лица, изобразив смущение:

– Полагаю, мне следует рассказать о вашем предложении мистеру Вулфу. Наверное, я так и сделаю. Чтобы себя защитить.

– От кого? – требовательно спросил Джаррелл.

– Ну... например, на случай если вы разговариваете во сне.

– Гудвин, вы мне нравитесь, – рассмеялся Джаррелл. – Уверен, мы с вами поладим. Здесь только мы вдвоем, и вы нуждаетесь в защите не больше, чем я. Вы соображаете, что к чему. И я тоже. Итак, сколько хотите получить на расходы? Пять тысяч? Десять?

– Нисколько. А там поживем – увидим. – Я немного расслабил мышцы лица. – Мистер Джаррелл, я не принимаю ваше предложение. Более того, я даже не рассматриваю его. А если у меня, паче чаяния, возникнет желание его принять, то уж я постараюсь встретиться с вами там, где нет прослушки. В конце концов, Охранное агентство Хорланда может прослушивать наш разговор прямо сейчас.

– Я смотрю, вы человек осторожный, – снова рассмеялся он.

– Нет, не осторожный. Просто не ищу неприятностей на свою голову. Итак, вы хотите, чтобы я продолжил действовать по предложенной вами программе?

– Конечно хочу. Гудвин, думаю, мы друг друга поняли. – Он стукнул кулаком по столу. – Я скажу прямо, поскольку вы в любом случае это узнаете. Я хоть сейчас выложил бы миллион долларов налом, лишь бы навсегда избавиться от этой женщины, и счел бы это выгодной сделкой. Впрочем, это отнюдь не значит, что меня можно держать за дурака. Я готов платить лишь за результат, а не за его отсутствие. Если вам удастся заключить какие-либо соглашения, я хочу знать, с кем именно, ради чего и сколько это стоило.

– Будет сделано. Еще какие-нибудь пожелания имеются?

Пожеланий не имелось, по крайней мере особых. Даже после сделанного мне предложения, которое выглядело явной подставой, Джаррелл продолжал считать, будто я буду землю носом рыть, чтобы обработать его домашних. Он пытался всучить мне аванс, но я решительно отказался, заявив, что обращусь за деньгами, если и когда они мне понадобятся. Как ни странно, Джаррелл решил не возвращаться к моим прозрачным намекам на то, что мне, возможно, придется рассказать Вулфу о сделанном предложении. Ведь только дурак откажется принять хлеб, намазанный с обеих сторон толстым слоем масла. Джаррелл был уверен, что мы друг друга поняли, а вот я – нет. Я вообще ни в чем не был уверен. Прежде чем распрощаться, он дал мне два ключа: от входной двери и от библиотеки. После чего сообщил, что ему нужно сделать телефонный звонок, а я сказал, что, пожалуй, пойду прогуляюсь. Джаррелл предложил мне воспользоваться телефоном в библиотеке или в моей комнате, но я ответил, что телефон мне без надобности, я просто привык по вечерам ходить на прогулку. Быть может, хотя бы в этом мы наконец поняли друг друга.

Я спустился на частном лифте на первый этаж, кивнул охраннику в вестибюле, уже другому, а не тому, что встречал меня по прибытии, прогулялся до Мэдисон-авеню, нашел телефонную будку и набрал номер.

После одного длинного гудка я услышал голос:

– Резиденция Ниро Вулфа. Орвальд Кэтер у аппарата.

Я оторопел. Но через секунду пришел в себя и произнес в трубку гнусавым голосом:

– Вам звонят из городского морга. У нас здесь труп молодого человека с классическими чертами лица, который бросился вниз с Бруклинского моста. Если верить документам в его бумажнике, утопленник – Арчи Гудвин. Его адрес...

– Бросьте труп обратно в реку, – заявил Орри. – Какой от него прок? Впрочем, от него и живого-то не было проку.

– Хорошо, – все тем же гнусавым голосом продолжил я. – Теперь я знаю. Будьте добры, могу я поговорить с мистером Вулфом?

– Сейчас посмотрю. Он читает книгу. Не вешайте трубку.

Что я и сделал. И буквально через секунду в трубке раздался знакомый рык:

– Да?

– Я отправился на прогулку и сейчас звоню вам из телефонной будки. Докладываю: кровать хорошая, еда приемлемая. Я познакомился с семьей. Это явно не мои люди, за исключением разве что дочери, Лоис. Она подстрелила белку и написала об этом поэму. Я рад, что вы поручили Орри отвечать на телефонные звонки и выполнять рутинную работу. Так гораздо проще. Начиная с сегодняшнего дня можете не выплачивать мне зарплату. Джаррелл предложил мне шестьдесят штук и оплату расходов. Мне персонально. Я должен нарыть компромат на его невестку, чтобы он мог вышибить ее из дому. Похоже, он хочет, чтобы я сам и состряпал сей компромат, хотя и не сказал об этом прямо. Если на все про все уйдет двенадцать недель, получится пять штук в неделю, так что моя зарплата у вас – просто семечки. Можете про нее забыть. Я получу деньги налом, никаких налогов, а потом, вероятно, женюсь на Лоис. Ой, совсем забыл! Вы свой гонорар получите тоже.

– Ну и какой тут процент пустого трепа?

– Только не факты. На факты вполне можно положиться.

– Тогда он или глупец, или прохвост, или и то, и другое.

– Возможно, хотя совершенно не обязательно. Он сказал, что отдал бы миллион долларов, лишь бы избавиться от невестки, и счел бы это выгодной сделкой. Поэтому вполне возможно, у него явный конфликт между желаемым и возможным, и это сводит его с ума. Впрочем, я дал ему повод для сомнения, потому что он ваш клиент.

– И твой тоже.

– Нет, сэр. Я отказался. И от аванса на расходы. Да, я отказал ему, но не слишком категорично. Ситуация пока в подвешенном состоянии. Он думает, я просто осторожничаю. Помоему, он ждет, чтобы я расставил капкан, в который она рано или поздно попадет. Но лично я думаю иначе. Хотя, возможно, она сама нарывается. Во-первых, мужчины слетаются к ней, точно мухи на мед. Если женщина откровенно флиртует, это нормально. Мужчины могут принимать правила игры, а могут и не принимать. Как им будет угодно. Но если они липнут к женщине, не прилагающей к этому ни малейших усилий, – это видно невооруженным глазом, а у меня хорошее зрение, – тогда берегись. Может, она вовсе не змея, может, она даже ангел. Но ангелы иногда бывают опаснее змей. Чаще всего так оно и есть. Итак, или я остаюсь в доме, чтобы прижать ее к ногтю, или вы возвращаете Джарреллу десять штук и забываете об этом деле. Решать вам.

– Похоже, мистер Джаррелл держит меня за дурака, – заметил Вулф.

– А меня – за простофилю. Наша гордость задета. И он за это в любом случае заплатит. Буду держать вас в курсе событий, если, конечно, таковые будут иметь место.

– Очень хорошо.

– Будьте добры передать Орри, что в нижнем ящике письменного стола мои личные вещи. Там нет ничего для него интересного.

Вулф обещал непременно все передать и, прежде чем положить трубку, даже пожелал мне спокойной ночи. Я купил в киоске открытку, марку и, указав в качестве адресата Фрица, написал:

Прекрасно провожу время. Жаль, что тебя нет рядом.

Арчи

После чего нашел почтовый ящик, бросил туда открытку и вернулся в казарму.

В холле десятого этажа я вставил в замочную скважину ключ, убедился, что ключ подходит, вошел и удивился, не увидев вспышки света. Значит, сигнализацию еще не успели включить. Проходя через холл, я размышлял о том, что охранная система не такая уж надежная,

как считает Джаррелл, но тут увидел появившегося из-за угла Стека. Определенно он весьма исправно нес службу.

Я подошел к Стеку:

– Мистер Джаррелл дал мне ключ.

– Да, сэр.

– Хозяин здесь?

– Думаю, он в библиотеке, сэр.

– Остальные все еще играют в карты?

– Да, сэр.

– Если у вас нет неотложных дел, я от всей души приглашаю вас к себе на джин. Я имею в виду джин-рамми.

Он растерянно заморгал:

– Благодарю вас, сэр. Но у меня есть свои обязанности.

– Ну тогда в другой раз. Скажите, а миссис Уаймен Джаррелл на террасе?

– Думаю, нет, сэр. Думаю, она в студии.

– Студия на этом этаже?

– Да, сэр. По главному коридору направо. Там, где вы были с миссис Отис Джаррелл сегодня днем.

Откуда, черт возьми, ему это известно?! И пристало ли дворецкому демонстрировать мне, что он все знает? Подозреваю, что нет. Подозреваю, что мое приглашение на партию в джин-рамми если и не уничтожило звуковой барьер между нами, то, по крайней мере, пробило в нем брешь. Я направился дальше по коридору и нашел нужную дверь, в чем не было особой заслуги, поскольку дверь была открыта и из комнаты доносились голоса. В комнате царил полумрак. Свет шел лишь из коридора и от экрана работавшего телевизора. Показывали телешоу талантов. Голоса принадлежали ведущему и членам жюри. Повернувшись, я увидел в кресле смутный силуэт Сьюзен.

– Не возражаете, если я к вам присоединюсь? – спросил я.

– Конечно нет, – едва слышно произнесла она.

Больше она ничего не сказала. Я поставил стул слева от нее и сел.

У меня нет любимых телепрограмм, так как большинство из них рассчитаны или на недомумков, или на слишком умных, ну а я считаю себя серединкой на половинку, но даже если бы я и смотрел, то это шоу талантов не вошло бы в число фаворитов. Так, например, если бы это шоу было вашим любимым, вы наверняка пришли бы к выводу, что у вас больше мозгов, чем у меня, а вот к какому выводу пришел бы я – это мое личное дело. Признаюсь, в тот вечер я особо не следил за происходящим на экране, поскольку целиком и полностью сосредоточился на сидевшей рядом Сьюзен. Я пытался уловить исходящие от нее то ли демонические, то ли ангельские флюиды. Но абсолютно ничего не почувствовал. Разве что слабый аромат духов, напомнивший мне о тех, которыми пользовалась Лили Роуэн, хотя духи были явно другими.

Когда шоу прервали на рекламу, Сьюзен выключила звук, оставив только картинку. В комнате стало еще темнее. Затем Сьюзен повернула ко мне смутно белевшее в темноте лицо:

– Мистер Грин, какой канал вы хотели бы посмотреть?

– Да, собственно, никакой. Мистеру Джарреллу я на сегодня не нужен, остальные играют в карты, ну а я услышал звук работающего телевизора и решил войти. Оставляю выбор за вами.

– Я всего лишь коротаю время. В десять тридцать не показывают ничего для меня интересного.

– Ну тогда бог с ним, с телевизором. Вы не против, если я включу свет?

– Конечно нет.

Повернув выключатель на стене у двери, я вернулся на место. Маленькое овальное лицо Сьюзен больше не выглядело бледным расплывчатым пятном. Мне показалось, что она попыталась выдавить улыбку, но не слишком удачно.

– Простите за вторжение, – произнес я. – Если я вам помешал...

– Все нет. – Ее тихий голос, то ли застенчивый, то ли жеманный, то ли боязливый, то ли сдержанный, наводил на мысль, что она говорит вполсилы, отчего невольно возникало желание оказаться рядом, когда она перестанет сдерживаться. – Поскольку вы будете здесь жить, было бы неплохо познакомиться с вами поближе. Мне интересно, что вы за человек. И теперь у вас есть возможность со мной поделиться.

– Положа руку на сердце, тут я вам не помощник. Я сам над этим постоянно ломаю голову, но так и не смог прийти к определенному выводу.

На лице Сьюзен затеплилась улыбка.

– Для начала могу отметить, что вы остроумны. Что еще? Вы посещаете церковь?

– А разве это обязательно?

– Для кого как. Если речь идет о вас, то я вас еще плохо знаю. Лично я хожу туда реже, чем следовало бы. Я заметила, за обедом вы отказались от салата. Вы не любите салат?

– Да.

– Ого! – В ее глазах промелькнула озорная искорка. – А еще вы довольно откровенны. Вам не понравился именно этот салат. Я даже собиралась поговорить насчет него со свекровью, но не рискнула. Итак, пока у меня неплохо получается. Вы остроумны и откровенны. О чем вы думаете, когда остаетесь в одиночестве и вам нечем заняться?

– Не так быстро. Ведь я должен ответить остроумно и откровенно. Я думаю о том, как бы побыстрее сделать то, что я сделал бы, если бы хоть что-нибудь делал.

– Глупый вопрос заслуживает глупого ответа, – кивнула Сьюзен. – Впрочем, ответ остроумный, так что все в порядке. Как бы мне хотелось быть остроумной... ну, знаете, такой искрометной. Интересно, а вы смогли бы меня научить?

– Так не пойдет, – запротестовал я. – Как я могу ответить на ваш вопрос? Ведь из него вытекают три допущения: что я остроумный, а вы – нет и поэтому можете чему-нибудь у меня научиться. Нет, это уже перебор. Попробуйте хотя бы одно из трех.

– Простите, – ответила она. – Сразу не сообразила. Но я уверена, вы могли бы меня научить... Ой! – Она бросила взгляд на наручные часы. – Совсем забыла. – Она встала с кресла, точнее, взмыла вверх и посмотрела на меня сверху вниз. – Мне нужно сделать телефонный звонок. Прошу прощения за назойливость, мистер Грин. В следующий раз вопросы будете задавать вы. – Она проплыла к двери и исчезла.

Попробую описать точно, что это было. Я поймал себя на том, что вскочил с места и пошел вперед, точно сомнамбула, уже на полпути к двери. После чего я сразу остановился и сказал себе: «Чтоб мне провалиться, она словно потащила меня за собой на веревке!» Я оглянулся на стул, который оставил. Оказывается, я проделал добрых десять футов, прежде чем осознал, что меня действительно тянут.

Остановившись на пороге, я оценил ситуацию. Для начала я признал непреложный факт: Сьюзен явно была проказницей. Пусть так. Но она не вливала в меня никакого зелья. Не втыкала в меня иголки. Не использовала магических заклинаний. Отнюдь. Она не прикасалась ко мне. Но я пришел в эту комнату с единственной целью раскусить эту женщину, а в результате потащился за ней следом, точно комнатная собачонка, и, что самое неприятное, непонятно почему. Я весьма охотно откликаюсь на заигрывания милых дам и наслаждаюсь вытекающими из этого последствиями, но люблю отдавать себе отчет, на каком я свете. Не хочу, чтобы меня дергали за ниточки, которых я не вижу. И не только это. Мой интерес именно к этой конкретной представительнице прекрасного пола должен быть сугубо профессиональным.

У меня возникло желание отправиться напрямик в библиотеку и сообщить Джарреллу, что он оказался прав: она действительно змея. А еще у меня возникло желание найти Сьюзен и что-нибудь ей сказать. Сам не знаю, что именно, но непременно что-нибудь сказать. А еще у меня возникло желание пройти к себе в комнату, собрать вещи, вернуться домой и доложить Вулфу, что мы имеем дело с колдуньей и нам остается лишь найти стог сена, чтобы ее сжечь. Однако ситуация требовала совершенно другого, поэтому я просто поднялся на свой этаж и завалился спать.

Глава 4

Сорок восемь часов спустя, к вечеру среды, произошло множество самых разных вещей, но если мне и удалось продвинуться, то я этого не заметил.

Во вторник я сводил Треллу на ланч в ресторан «Рустерман». Что было рискованно, поскольку меня там хорошо знали. Я сообщил по телефону Феликсу, что работаю под прикрытием, и попросил персонал сделать вид, будто мы незнакомы. Но, когда мы с Треллой туда пришли, я сразу пожалел, что не выбрал другого места. Очевидно, все здесь, начиная со швейцара и кончая Феликсом, хорошо знали миссис Джаррелл и теперь явно пытались понять, почему, работая под прикрытием, я заявился с их старой и очень ценной клиенткой. Но держались исключительно хорошо. Правда, когда Бруно принес счет, то положил возле него карандаш. Официант предлагает посетителю карандаш лишь в том случае, если твердо знает, что чек будет подписан и у гостя хорошая кредитная история. Я демонстративно не заметил карандаш – хотелось верить, Трелла его тоже не заметила, – а когда Бруно принес сдачу с моей двадцатки, я отмахнулся, понадеявшись, что Бруно не сочтет это прецедентом.

Во время застольной беседы Трелла сообщила мне одну вещь, которую я нашел достойной того, чтобы занести в досье. Я упомянул имя Сьюзен и извинился за свое опрометчивое суждение относительно того, что Джаррелл достаточно прохладно относится к невестке. В ответ Трелла сказала, что, если уж на то пошло, извиняться нужно не за опрометчивое суждение, а скорее за ошибочное. Если верить Трелле, ее муж относился к Сьюзен отнюдь не прохладно, а со всем жаром. Я согласился, что должен переключить кран с «холодно» на «горячо» и даже готов извиниться. Но вот только за что?

– А вы что подумали? – Трелла выразительно округлила голубые глаза. – Она вlepила ему пощечину. Ой, ради всего святого, перестаньте строить из себя святую простоту! В свой первый рабочий день в качестве секретаря вы уже успели пообщаться с Лоис на террасе и пригласить меня в «Рустерман»! Неплохое начало для обычного секретаря.

– Но ведь ваш муж в отъезде. Он разрешил мне пока побездельничать.

– По возвращении он получит подробный отчет от Норы, и вы это знаете. Алан, я отнюдь не дура. Далекo не дура. Я могла бы обладать блестящим умом, если бы не моя чертова лень. Возможно, вы знаете о моем муженьке даже больше, чем я. Так что бросьте изображать из себя невинность!

– Мне приходится выглядеть невинным. Ведь я его секретарь. Стеку тоже приходится. Ведь он его дворецкий. А если уж речь зашла о том, что мне известно, я понятия не имел, что Сьюзен вlepила вашему мужу пощечину. А вы при этом присутствовали?

– Свидетелей не было. Не стану утверждать, будто она ударила его рукой. Это не в ее стиле. Не знаю, как именно она это сделала – возможно, просто посмотрела на него. Она может согреть мужчину взглядом, а может – испепелить. Или одно, или другое. Вот уж никогда не думала, что женщина способна испепелить Отиса взглядом. Мне казалось, для этого нужна по меньшей мере раскаленная кочерга. Но это было до того, как я встретила Сьюзен. До того, как она переехала к нам. Она уже подала вам знак?

– Нет. – Впрочем, теперь я ни в чем не был уверен. – Не могу точно сказать, но понимаю, о чем вы. Поскольку в противном случае моя невинность подверглась бы жестокому испытанию. Ведь Сьюзен жена его сына.

– Ну да. И что с того?

– Со стороны это выглядит как-то не слишком достойно. Он же не человекообразная обезьяна.

Трелла покровительственно похлопала меня по руке:

– Я, должно быть, в вас ошиблась. Храните свою невинность, если вам так угодно. Он определенно человекообразная обезьяна. Это всем известно. Раз уж я вышла в свет, то, пожалуйста, прошвырнись по магазинам. Ну как, составите мне компанию?

Но я отказался, рассыпавшись в благодарностях.

Чтобы немного размяться, я прошел тридцать кварталов, по дороге пытаюсь решить вопрос, стоит звонить Вулфу или нет. Если я позвоню и сообщу о том, что Джаррелл подкапывался к невестке, но, получив от ворот поворот, нанял Вулфа и попытался подкупить меня, чтобы избавиться от свербевающей в душе обиды, Вулф непременно прикажет мне собираться с вещами на выход. Однако на данный момент я предпочел бы немного задержаться, чтобы получить возможность еще раз встретиться со Сюзен и проверить частоту своего пульса и дыхания. Но если я позвоню Вулфу и умолчу о разговоре с Треллой, то мне, собственно, будет нечего ему сказать. И я решил сэкономить десять центов.

Миссис Уаймен Джаррелл вышла, сообщил Стек, так же как и мисс Джаррелл. А еще мистер Фут просил известить его о моем возвращении, и я ответил: хорошо, можете его известить. Решив, что до наступления ночи мне не мешало бы появиться на своем рабочем месте, я повесил пальто и шляпу в стенной шкаф и отправился в библиотеку. Нора Кент за письменным столом Джаррелла разговаривала по красному телефону. Пробравшись к батарее картотечных шкафов, я выдвинул наугад какой-то ящик, после чего вытащил первую попавшуюся папку, на которой было написано: «ПРОИЗВОДСТВО БУМАГИ. БРАЗИЛИЯ».

Я начал было пролистывать папку, но тут услышал за спиной голос Норы:

– Вы что-то хотели, мистер Грин?

– Ничего особенного, – ответил я. – Но мне было бы приятно сделать хоть что-то полезное. Если секретарю надлежит ознакомиться со всеми этими делами, надеюсь, за два-три года я справлюсь.

– Ой, это займет куда меньше времени. Дождитесь возвращения мистера Джаррелла. Он введет вас в курс дела.

– Вы очень любезны. И я это ценю. Нет чтобы просто сказать: не лезьте, куда не следует! – Я положил на место папку и задвинул ящик. – Что я могу для вас сделать? Может, выбросить мусор из корзины или заменить промокательную бумагу на пресс-папье?

– Нет. Благодарю. Но поскольку мистер Джаррелл сам дал вам ключ, с моей стороны было бы слишком самонадеянным что-либо вам запрещать.

– Вы совершенно правы. Беру назад свои слова. От него что-нибудь слышно?

– Да. Он звонил около часа назад. Приедет завтра. Возможно, сразу после полудня.

Было нечто такое в ее облике, в манере держаться, что меня настораживало. Не то чтобы стенографистке не пристало разговаривать в таком тоне с секретарем. Называть ее стенографисткой было все равно что называть Уилли Мейса парнем с битой. Но вот почему, я и сам толком не понимал, а только чувствовал, что между нами установилась односторонняя связь, постичь которую мне так и не удалось. Я собрался было немного разговорить Нору Кент, чтобы понять, в чем дело, но тут зазвонил телефон.

Нора взяла трубку черного телефонного аппарата и, немного послушав, повернулась ко мне:

– Это вас. Мистер Фут.

Я взял трубку.

– Привет, Роджер. – К попрошайкам я обращался запанибратски. – Алан тебя внимательно слушает.

– Ты никудышный секретарь! Где ты весь день пропадал?

– Да так. То там, то сям. Но теперь я здесь.

– Я уже понял. Насколько я понимаю, ты играешь в джин-рамми. Как насчет того, чтобы перекинуться в картишки? Раз уж Старый Броненосец в отъезде и твои услуги не требуются.

– Почему бы и нет? Где?

– В моей комнате. Поднимайся ко мне. Направо по коридору от твоей спальни, потом первый поворот налево – и я встречу тебя на пороге.

– Заметано. – Я положил трубку, сказал Норе, что готов выполнить любое ее поручение, и, поскольку таковых не оказалось, покинул библиотеку.

Похоже, Роджер получал сведения от дворецкого. Впрочем, маловероятно, чтобы Стек поделился с ним информацией, что я по-дружески пригласил его поиграть в джин-рамми.

Комната Фута оказалась несколько больше моей, на три окна. Кресла были обиты зеленой кожей, причем размер и форму того, что стояло у окна, одобрил бы даже Ниро Вулф. К стенам были прилеплены скотчем фотографии лошадей всех мастей и размеров. В основном цветные. Почетное место занимал снимок коня по кличке Нэйттив Дансер. Конь стоял боком, повернув морду к камере.

– Нет такой лошади, на которой я не терял бы деньги. Мускулистые. Красавцы. Красавцы! Утром открываю глаза, а они прямо передо мной. Ради этого стоит просыпаться. Ведь что нужно мужчине для счастья? Чтобы было ради чего просыпаться. Согласен?

Да, я был согласен.

Естественно, я предположил, что на кону будет центов двадцать пять, может, больше, и, если выиграет Роджер, мне придется платить, а если выиграю я, он будет мне должен. Но нет, все было вполне гуманно, ставка – один цент. Или он делал крупные ставки исключительно на лошадей – мускулистых красавцев, – или он меня заманивал, или просто хотел установить дружеские отношения, чтобы использовать их в дальнейшем. Роджер чертовски хорошо играл в джин-рамми. Он мог болтать о чем угодно, что с успехом и делал, но при этом помнил каждый снос и каждый прикуп. Я выиграл девяносто два цента, да и то в основном благодаря переборам.

И вот в какой-то момент мне удалось ухватиться за только что сказанную им фразу.

– Кстати, это напомнило мне, – начал я, – одно высказывание, услышанное сегодня. Что ты думаешь о мужчине, который подкатывается к жене своего сына?

В этот момент Роджер сдавал. Он на секунду замер, а потом кинул мне карту:

– Интересно, а чье это было высказывание?

– Я бы предпочел не говорить. Нет, я ни в коем случае не подслушивал, а просто случайно услышал.

– Чьи-либо имена при этом упоминались?

– Определенно.

Он поднял руку:

– Тебя зовут Альфред?

– Алан.

– У меня плохая память на имена людей. Но не на лошадей. Алан, я вот что тебе скажу. Если тебя интересует, что я думаю об отношении своего шурина к деньгам и брату жены, обращайся в любое время! А вот относительно всего остального – не мне судить. Если кто-то считает, что его нужно пристрелить, флаг в руки! Никаких цветов на могилу. По крайней мере, от меня. Твой ход.

Итак, разведка боем не удалась. А когда в шесть часов я сказал, что пойду принять душ и переодеться перед свиданием с Лоис, Роджер быстро подвел итог и показал мне:

– В данный момент у меня нет девяноста двух центов. Но ты можешь превратить их в девяносто два доллара. И даже более того. В четверг на ипподроме конноспортивного комплекса «Джемейка рейс хорс» Пич Фаз выступает в пятом забеге. Ставки восемь к одному. С шестьюдесятью долларами в кармане я мог бы поставить на него сорок. Выигрыш составит триста двадцать долларов. Половина твоя. И еще девяносто два цента.

Я ответил, что предложение очень заманчивое, но я, пожалуй, подумаю до завтра. Поскольку Джаррелл разрешил ссудить Футу пятьдесят или даже сто баксов, то я мог с легкостью отстегнуть ему искомую сумму, но тогда завтра Роджер точно пропадет с концами, а он может мне понадобиться. Фут воспринял мой отказ как истинный джентльмен, не став особо настаивать.

Утром во время разговора на террасе я пригласил Лоис на обед с танцами в клуб «Фламинго», но после неудачного похода с Треллой в ресторан «Рустерман» решил, что это не слишком хорошая идея. Поэтому я поинтересовался у Лоис, нет ли у нее возражений против клуба «Колонна» в Гринвич-Виллидже. Там был хороший оркестр, меня никто не знал, во всяком случае по имени, и мы не рисковали нарваться на кого-то из моих знакомых. В первый момент Лоис решила, что у нее есть возражения, но потом ей взбрело в голову, что будет забавно сходить туда, где она никогда не была.

Джаррелл сказал, что Лоис чрезвычайно придирчива в выборе партнеров для танцев. Она явно имела на это право. У нее было отличное чувство ритма. Дело не в том, что Лоис умело виляла бедрами, а в том, что отлично слушалась партнера. И чтобы соответствовать ей, я выбросил все мысли из головы, полностью отдавшись языку тела. В результате, когда часы пробили полночь и пришло время пить шампанское, я ни на йоту не продвинулся в осуществлении своей главной задачи, которую, по идее, должен был решить. Пока официант наполнял наши бокалы, я лихорадочно соображал. Какого черта, детектив должен сперва расположить к себе объект, а уж потом переходить к обсуждению интимных тем! Поэтому еще три круга мне явно не повредят. Но я так и не смог приступить к разговору. Все случилось, когда мы снова вернулись к нашему столику допивать шампанское.

– За жизнь и смерть! – Лоис подняла бокал с остатками пенного напитка, попила и, поставив пустой бокал на стол, добавила: – Если бы смерть спала.

– Полностью поддерживаю. – Я поставил свой бокал рядом с ее. – Полагаю, что так. А что это значит?

– Сама не знаю. Хотя и следовало бы, так как я сама написала эти слова. Это из моей поэмы. Последние пять строк звучат так:

Грызун скакал по ветке у ствола,
Довольный жизнью, не предвидя риска.
А дева слезы горькие лила,
Оплакивая смерть, которая была так близко.
О, если бы смерть спала!

– Прощу меня извинить, – сказал я. – Стихи хорошие, но, боюсь, я все-таки не совсем улавливаю смысл.

– Я тоже. Вот почему я считаю это поэмой. А Сьюзен вроде бы поняла. По крайней мере, по ее собственному утверждению. Правда, она считает, нужно заменить одно слово и вместо «слезы горькие лила» написать «слезы сладкие лила». Но мне не нравится. А вам?

– Да, «слезы горькие» мне нравятся больше. А Сьюзен любит поэзию?

– Не знаю. Для меня Сьюзен такая же загадка, как и моя поэма. Сьюзен – она такая. Впрочем, Сьюзен в первую очередь любит саму себя. Но она моя золовка, ее спальня больше моей, и я обожаю своего брата, когда мы не ссоримся, так что, наверное, я ее ненавижу. Но после сеанса у психоаналитика буду знать точно.

– Это наверняка поможет, – кивнул я. – Вчера вечером я заметил, что все мужчины собрались вокруг Сьюзен. Все, кроме вашего отца. Похоже, он ее в упор не видел.

– Он отлично ее видел. Если он не видит женщину, значит ее вообще нет в комнате. Вам известно, кто такой сатир?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.